
Александр Жиров
(ТФ ОмГАУ)

**ПАМЯТНЫЕ МЕСТА
МАЛОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА
(К 410-ЛЕТИЮ Г. ТАРЫ, КАК ЖЕМЧУЖИНЫ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ)**

Тара – город с богатым историческим прошлым. Но мы намерены обратиться только к одной стороне этого прошлого. Тара – жемчужина предпринимательской истории Сибири. Но сегодня при значительных потерях материальных свидетельств истории¹ это нужно доказывать, что мы и попытаемся сделать в форме отдельных сюжетов из предпринимательской истории Тары. Таким образом, в поле нашего внимания оказываются как исторические памятники, отражавшие былую мощь экономически активной части населения Тарского Прииртышья, так и проблема исторической памяти.

1. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Известно, что Тара – старейший город Среднего Прииртышья и что его истории могут позавидовать другие города Омской области. Но это с одной стороны. С другой, у всех поселений своя история, пестрые страницы которой дают ее жителям основания гордиться, а может и стесняться ее исторического прошлого. Да, именно так – стесняться! Даже содрогаться, прикасаясь к отдельным страницам ее истории. Как сказал Ю.Н. Афанасьев, нам нужна не «историческая целесообразность», а «историческая правда». Что касается Тары, то, как мы полагаем, историческая правда заключается в том, что Тара, имеющая богатое историческое прошлое, теряет память о нем, имея в виду разрушение деревянного города, и все большее заикливается, как и большинство провинциальных и столичных городов, на выявлении того, чем можно было бы гордиться. По-житейски это вполне понятно и объяснимо: кому же хочется помнить то, что вызывает неприятные ассоциации и негативные эмоции. И, тем не менее, в истории Тары, как и других малых исторических городов России, было много такого, за что нормальным людям должно быть просто стыдно. За то, что с равно-

душного согласия окружающих были загублены большие таланты, за то, что люди, в общем-то хорошо знавшие друг друга, несмотря на это поедали друг друга, как пауки в банке. За то, что, имея возможности, не смогли обустроить быт жителей так, как это сделали в странах, которые никогда не гордились силой державы и тем, что первыми оказались в космосе. Стыдно, что, нацеливаясь на созидание счастливого для всех будущего, настойчиво и целенаправленно стирали память о прошлом.

В Таре разрушили пять из шести каменных православных храмов, каменную мусульманскую мечеть, три часовни. На территории татарского мазарата выпасали скот, потом построили школу. На территории Тихвинского кладбища, где несколько веков предавали земле, в том числе лучших людей города (последние захоронения были сделаны в 1939 – 1940 гг.), разбили Комсомольский парк. На месте еврейского кладбища построили тир. Имена всех репрессированных и расстрелянных в Таре в советское время не выявлены, а на местах расстрелов и захоронений репрессированных нет памятных досок. Но все мало-мальски знающие историю знают, что в этом нет ничего специфически тарского. Практически всё, о чем мы упомянули, можно было встретить, где угодно, – хоть на западе, хоть на востоке. Мы сталкивались с подобными явлениями и в Омске, и в Иркутске, и в Кяхте. Что осталось от Казачьего кладбища в Омске? В Иркутске на месте Иерусалимского кладбища вертится «чертово» колесо, там разбит парк культуры и отдыха. В Кяхте на месте Успенского кладбища, где были захоронены десятки крупнейших предпринимателей и культурных деятелей Сибири, их предков и потомков, устроен стадион, футбольное поле которого от бездействия заросло бурьяном, а надмогильные плиты были уложены в основание армейского плаца. На этом плацу три солдата сломали ноги, одного задавил танк, только после этого отреагировали на неоднократные обращения бывшего офицера Советской армии, а ныне священнослужителя Успенского храма, построенного в 1884 – 1888 гг. тарским 1-й гильдии купцом Я.А. Немчиновым, о. Евгения Седунова. Он, как и предыдущие настоятели, не смог ответить на вопрос, почему эту церковь освящали 23 октября 1888 г. Вот когда пригодился собранный по крохам в различных архивах генеалогический материал – речь шла о дне рождения основателя храма.

Состояние некрополей – это стыд нации. И дело тут не только в плохом благоустройстве, а в отсутствии элементарного порядка, который обеспечивается, в том числе, нормальным учетом захоронений. Пожалуй, единственный на всю страну случай, когда без поддержки

государственных служб подвижнику С.Е. Кипнису удалось описать все захоронения одного из самых известных некрополей России Новодевичьего кладбища². 90-летний старик каждый день ходил на кладбище и, фиксируя надписи на памятниках, вел кропотливую работу по выявлению дополнительных данных о тех, кто был погребен на нем. К сожалению, автор умер сразу же после выхода справочника. Но именно благодаря труду С.Е. Кипниса и активному поиску сведений о предпринимателях XIX в. потомком сибирских купцов Чернядевых – москвичкой Л.В. Лигай, нам удалось установить место погребения потомков известных сибирских предпринимателей Пятковых и Игнатовых.

Практически на каждом шагу мы сталкиваемся с абсолютным незнанием исторических фактов. Все это можно объяснить и понять, но согласитесь – это то, чем нельзя гордиться. Чтобы не потерять мысль, скажем о главном, что давно в общем-то известно и, может, банально – изучать прошлое нужно для того, чтобы извлекать из этого прошлого уроки для будущего, а не только для того, чтобы это прошлое взгромоздить на пьедестал и любоваться им, как делали во времена идолопоклонничества.

Правильно рассуждая о том, что не может «молодежь расти Иванами, не помнящими родства», и что, «к сожалению, многие этого не понимают» тарские краеведы в отношении истории местного предпринимательства все-таки чаще руководствовались не фактами, а вымыслами и легендами. Чтобы проиллюстрировать эту ситуацию в Тарском краеведении, приведем несколько сюжетов (с этих сюжетов, собственно, и зарождался в 1970-е гг. интерес автора к купеческому прошлому Тары) из книги известного и заслуженно уважаемого омского писателя и историка И.Ф. Петрова.

Во время посещения местного музея возрождавшие в 1960-е гг. этот музей А.В. Ваганов, К.И. Шабалин и другие рассказали ему о тарском купце Семене Можантинове, миллионере Немчинове и других тогдашних «антигероях» Тары. «Был тут у нас один богатый купец по фамилии Можантинов. Пароходы у него свои по Иртышу бегали, магазины держал в Таре и других местах. Так вот он, чтобы грехи свои замолить, что ли, решил сделать одной церкви богоугодный подарок – приказал позолотить все ее колокола. И слово свое сдержал. Эти колокола были гордостью купеческой Тары в продолжение долгих лет. Их было видно за многие километры, ...когда к ней раньше подъезжали с той стороны Иртыша или со стороны Екатериновки, то за десятки километров она уже была видна, как на ладони, со всеми своими бесчисленными куполами (в Таре, кроме этой, еще было семь церквей) и эти-

ми золочеными мозантинскими колоколами»³.

И что бы, казалось, могло «зацепить» юную душу будущего историка в этих нехитрых сюжетах? Вольное обращение с фактами. Да, в конце XVIII в. на деньги Тарского 1-й гильдии купца и коммерции советника И.Ф. Нерпина староста Богородице-Казанской церкви С. Мозантин вызолотил колокола и правда, что они привлекали внимание любопытных и были гордостью купеческой Тары. Но не было в то время на Иртыше пароходов! Они появились через несколько десятилетий после описываемых событий. Да и православных церквей в Таре на рубеже XVIII – XIX в. было шесть, а вместе с каменной мечетью – семь. Появилась позже еврейская синагога, но было это в начале XX в. – в 1911 г. Все уточнения по возникшим вопросам были получены обычным путем – из справочных книг дореволюционного времени, доступ к которым был свободным в Тобольске, Омске и многих других городских библиотеках и музеях.

Ответы на другие вопросы, возникшие при чтении книжки (заметим, не о купцах, а о героях партизанской войны) были найдены уже не в справочных изданиях, а в архивных документах, разбросанных в силу подвижности экономически активной части купеческого сословия по многим сибирским и центральным хранилищам страны.

Но вот еще одна цитата из маленькой книжки, иллюстрирующая своеобразие отношения к поступкам купцов, как «антигероев» в советское время. «Зрелище, по всей вероятности, и в самом деле было очень красивое, – говорил писатель. – Но надо же, не купола, а колокола золотить. Какая блажь!» И, поддерживая разговор, основатель Тарского музея, великий энтузиаст и подвижник изучения края, в честь которого теперь в Таре традиционно проводятся краеведческие чтения, Аркадий Викулович Вагапов ответил: «А подобных случаев у нас было немало. Да вот хоть возьмите Немчинова. Видали его трехэтажный белый дом, что стоит вверху, под увалом? Самый большой в Таре. Тоже блажь. Хозяин его миллионером был. Золотые прииски на Лене имел. Сам-то тут редко жил. Все больше в Петербурге. Но вот однажды приезжает в Тару. Известно, сразу же пир горой. В пьяном виде местные богачи перед ним стараются тоже в грязь лицом не ударить. Вот некоторые и бахвалятся, что у них место в городе очень выгодное – на главной улице да на высоком месте. А Немчинов и говорит: «А хотите, я вам всем нос утру. Возьму да на болоте такой дом построю, какого у вас и на увале сроду не бывало». Понятно, спор завязался. А Немчинов кричит: «Разнимайте руки!» Ударили, стало быть, по рукам, и Немчинов принялся строить дом на мокром месте. Сколько, говорят, одних

только свай забили! А дом-таки построил, и спор выиграл. Денег-то не жалко было – не своим ведь трудом доставались». «А это не тот Немчинов, что в ноябре 1917 года был одним из организаторов контрреволюционного мятежа юнкеров в Омске?» – спросил писатель. «Нет, – ответил Аркадий Викулович, – не должно. Потому что наш куда-то уехал еще до начала империалистической войны. Что-то вдруг подозрительно засобирался и скоро-скоро смылся. Какая была тому причина – неизвестно»⁴. Только в 1990-е гг. были найдены ответы на эти вопросы и об этом достаточно подробно изложено в целой серии публикаций⁵.

Среди многочисленных фотографий, писем и старых комсомольских билетов, которые показали И.Ф. Петрову в Тарском райкоме комсомола, он натолкнулся на воспоминания А.И. Ведякина, одного из первых комсомольцев города, являвшегося не только свидетелем, но и, как он утверждал в своих воспоминаниях, непосредственным участником дореволюционных событий примерно с 1910 г. Он, как отметил в своей книге писатель, «отлично помнил то, что многие в Таре уже давно забыли»⁶.

В связи с нашим обращением к старым легендам и сказкам о тарских купцах эти воспоминания имеют особое значение. Так, А.И. Ведякин, рисуя в своих воспоминаниях картину предреволюционной Тары с ее укладом, расстановкой классовых сил, попытался воссоздать портреты местных знаменитостей, в частности «миллионерши» Пятковой (дочери Я.А. Немчинова Е.Я. Пятковой – А.Ж.), и рассказал «о поспешном бегстве из Тары миллионера Немчинова». И даже называл причину этого бегства. Но обратимся непосредственно к тексту книги, где приводятся эти воспоминания. «Оказывается, дело обстояло следующим образом. Когда в 1912 году на Лене произошли трагические события (Ленский расстрел), Немчинов, как один из совладельцев приисков, имел к этому злодеянию самое непосредственное отношение. Роль его в кровавом деле была настолько неприглядна, что он вынужден был уехать к себе в Тару. Но не нашел покоя и здесь. К тому времени с Лены стали партиями возвращаться домой рабочие, нанятые раньше в Таре и окрестных деревнях. Они очень хорошо знали ленское прошлое своего «земляка» и слишком были против него озлоблены. Боясь справедливой расплаты, Немчинов счел за благо убраться и отсюда подобру-поздорову»⁷.

Вот так, с легкой руки местных старожилов и писателя И.Ф. Петрова, к имени Я.А. Немчинова, уроженца г. Тары, крупнейшего российского чаеоторговца и золотопромышленника, на много лет был прикреп-

лен ярлык ненавистного народом эксплуататора и даже преступника, повешенного, с их точки зрения, в расстреле приисковых рабочих на р. Лене в 1912 г. Сегодня чтение такого рода «воспоминаний» заставляет горько сожалеть о том, как легко, просто, если не сказать примитивно, стереотипы капиталиста-эксплуататора переносились у нас на любого, кто был хоть как-то причастен к предпринимательству как таковому. Дело в том, что практически все, о чем поведал старый чекист, было обыкновенным вымыслом. Я.А. Немчинова (1813 – 1894) и его дочь Е.Я. Пяткову (1853 – 1943) А.И. Ведякин не видел, так как сам вернулся в город после 1910 г. Когда же произошли трагические события на Лене Я.А. Немчинова, как и его сына Андрея, тоже много сделавшего для Тары (и о чем долгое время не принято было упоминать), давно уже не было в живых: первый умер за 18, а второй за 12 лет до Ленского расстрела. К тому же, к 1902 г. практически большая часть приисков, принадлежавших Немчиновым и их потомкам, была поглощена другими компаниями и владельцами этих приисков были другие люди.

Не имело бы смысла столь подробно останавливаться на приведенных сюжетах, если бы и сегодня, когда уже более 10 лет интенсивно изучается история сибирского предпринимательства, написаны более сотни работ, в которых события XIX – начала XX вв. рассматриваются уже не с позиций «исторической целесообразности», а с позиций «исторической правды», практически на каждом шагу мы бы не сталкивались с элементарным незнанием исторических фактов. Когда в 1997 г. на фоне радости бывших студентов истфака по поводу защиты дипломных работ пришлось выслушивать от декана факультета выше приведенные «сказки», подумалось о том, что потребуется еще достаточно много усилий и времени, чтобы в сознании современного российского человека произошли необходимые изменения, а знания о прошлом стали бы основываться на выверенных исторических фактах.

2. ОТГОЛОСКИ ТАРСКОГО БУНТА 1722 Г.

Обратиться к событиям начала XVIII в. побудило несколько обстоятельств, главным из которых было стремление выявить причастность представителей купеческого клана Немчиновых к роду мятежного полковника И.Г. Немчинова, возмущившего в 1722 г. Тарский воинский гарнизон и поплатившегося за это собственной жизнью. В ходе поисков ответа на этот вопрос удалось выйти на публикации московского филолога, преподавателя МГУ В.В. Цоффки⁸, побывать в пос. Немчиновка Одинцовского района, встретиться с потомками москов-

ских купцов Немчиновых. Но получить документального подтверждения предполагаемой М.А. Белокрысом и Д.Я. Резуном⁹ родственной связи полковника Немчинова с сибирскими предпринимателями Немчиновыми пока не удалось. Расчеты на то, что хорошим подспорьем в решении поставленной задачи станут документы фонда Омско-Тарской епархии, на практике не оправдались¹⁰. И, тем не менее, исключать вероятность родственной связи между полковником Немчиновым и известными сибирскими предпринимателями Немчиновыми не хотелось бы. Драматической и интригующей могла бы стать в этом случае предыстория купеческого рода.

События начала XVIII в., «забытого» Тарского бунта 1722 г., впервые были упомянуты в трудах С.М. Соловьева и П.А. Словцова. Они подробно изложены в публикациях Н.Н. Покровского, Г.Я. Цветковой¹¹. Идеологическая основа протестных действий рассмотрена в трудах И.В. Побережникова¹². Борьба с расколом в Сибири стала темой исследования тобольского литератора и историка В.Ю. Софронова. Литературную версию событий 1722 г. предложил в книге «Отпор» омский писатель Павел Брычков.

Тара до начала XVIII в. оставалась крайним пограничным оборонительным пунктом на юго-востоке Западной Сибири и потому занимала важное место в степной политике Российского государства. В 1672 г. Тарский гарнизон насчитывал 743 человека. За службу служилые люди получали государево жалованье: денежное, хлебное, солевое, на время боевых действий выдавалось оружие и оружейные припасы. Служилый человек, отправляясь в любую погоду в дальние, лежащие подчас в сотне вёрст от дома, места, испытывал лишения, голод, рисковал погибнуть от дикого зверя и от худого человека. Особое неудовольствие вызывали попытки «отставить» от службы и записать в пашенные крестьяне. Не случайно возникло выражение «посадить на пашню». Время от времени государь жаловал довольствия сверх окладов: за удачную воинскую экспедицию, за походы «по соль», водочное жалование (по две чарки) по праздникам, так называемое «погребное жалование». Наградой для служилых людей могла стать и посылка в Москву с «государевыми отписками»; книгами ясачного сбора или же по каким-то другим надобностям.

Испытывая огромные трудности и лишения военной службы, служилый человек остро реагировал на всякое ущемление своих прав. Это наглядно проявилось в отказе тарских жителей от принятия присяги по царскому указу о престолонаследии 1722 г. Тарские события явились ответом на те условия, в которые были поставлены рядовые ста-

го, был в курсе розыскного дела по Таре. Ознакомившись с присланными в Петербург старообрядческими книгами, он распорядился тщательно разыскивать такие произведения по всей Сибири и тут же сжигать²¹. Жестокость в подавлении бунта явилась всего лишь подтверждением того, что государственные деятели деспотического типа (к какому, безусловно, мы можем отнести Петра I), заимствовали у жесткого иноземного владычества основной метод управления – метод насилия, но их насилие было насилием над собственным народом.

По преданию, на месте массового захоронения в Таре длительное время существовал деревянный крест. Старый крест после обветшания периодически заменялся на новый. Так продолжалось до начала XX в. В это время корреспонденты сибирских газет, описывая быт тарчан, удивлялись их беспечности и лояльности по отношению к властям, не понимая, куда подевалась былая спесь у потомков «коловичей». В 1930-е годы А.Ф. Палашенков и тарские краеведы Ф.В. Мелехин и А.В. Ваганов планировали произвести разведочные работы в местах предполагаемых массовых захоронений жертв событий 1722 г. Тогда, как стало известно из дневников А.В. Ваганова, проведение этих работ не было разрешено. В 1980 г. в Таре в ходе подготовки к областному спортивному празднику «Королева спорта» были проведены большие работы по созданию зоны отдыха в районе загородной рощи и, к сожалению, при планировании этих работ были игнорированы мнения историков и надлежащей экспертизы проведено не было. Сегодня эти работы стали вообще невозможны из-за того, что захоронения оказались после возведения плотины на р. Аркарке затопленными водой. Нерядовому событию, на долгие годы превратившему Тару в опальный город, который как коронная власть, так и сибирская администрация практически до середины XVIII в. давила налогами и поборами, не давая возможности подняться с колен, укрепиться, еще предстоит занять подобающее место в истории города и получить прописку в учебниках отечественной истории, истории Сибири и историко-культурного наследия народов Омского Прииртышья.

3. О НЕРПИНЫХ, БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ И ПЕРВОМ ЧАСТНОМ ДОМЕ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Несколько поколений историков не выполнили важную миссию – не смогли, не сумели отыскать документальных подтверждений того, что дом на бывшей ул. Никольской, а ныне ул. Советской в городе Таре, это и есть первое частное каменное строение на территории современ-

ной Омской области. Так или иначе, пока не удалось ни в одном сибирском или центральном архиве встретить хоть какие-то внятные намеки на истину. Фонд строительного отделения Тобольского губернского управления содержит значительный массив документов о планировании и строительстве общественных и жилых зданий XVIII – начала XX вв., но в этих документах о доме Нерпина нет даже упоминаний²². Поэтому приходится руководствоваться лишь предположением нашего старшего коллеги профессора А.Д. Колесникова о том, что белокаменный дом-красавец на ул. Никольской (современной ул. Советской) и есть знаменитый Нерпинский дом. Сопоставляя данные городских обывательских книг за 1792 – 1794, 1811, 1819 – 1821 гг., мы условно предположили, что этот дом появился в Таре ближе к 1794 – 1796 гг.

Это единственный сохранившийся жилой дом постройки конца XVIII в. Первое упоминание о нем относится к 1803 г. Он представляет собой трехэтажный, каменный, крытый железом особняк, который построен «изрядною архитектурю, и как снаружи, так и изнутри убранный шекатурною хорошею работаю»²³. В оформлении особняка Нерпина нет излишеств. Первый этаж отделен горизонтальным пояском. Третий, сооруженный в виде мансарды, заканчивается «сухариками», поддерживающими карниз, и невысоким фронтоном с лепным орнаментом. Во второй половине XIX в. облик дома существенно изменили пристройки с северной и восточной сторон, исполненные в эклектичном стиле и совершенно не «вяжущиеся» с классицизмом основного корпуса.

За двухвековую историю помещения дома не раз подвергаясь перепланировке, утрачены многие элементы внутреннего убранства. Однако сохранившиеся филенчатые двери, узорчатое стекло фрамуг, ограждения лестниц, перила свидетельствуют о добротности его первоначального оформления. К 1950 г. были снесены сложенные из кирпича ворота и ограждения усадьбы, которые тоже представляли определенную архитектурную ценность. В 1960-е гг. исчезло солидное надворное строение, которое в советское время использовалось под электростанцию, а потом под городскую баню. Уровень проезжей части улицы за многие годы значительно поднялся, отчего первый этаж смотрится цокольным, а весь дом выглядит несколько приземистым. Тем не менее, здание и ныне остается ценным памятником гражданской архитектуры, а его стены хранят память о многих известных людях Сибири, сыгравших важную роль в развитии экономики и культуры региона. Здесь бывали купцы-золотопромышленники, пароходовладельцы, промышленники, иностранцы, известные благотворители, и, как мы

предполагаем, знакомые нам с детства литераторы. Дом связан с жизнью Нерпиных, Ивелич, Пятковых. Здесь по деловым и личным вопросам в конце XVIII – начале XIX вв. появлялись пионеры сибирского золота и самые богатые сибиряки первой половины XIX в. верхотурские, семипалатинские и томские купцы Поповы, известные тарские купцы, а потом томские золотопромышленники Филимоновы, томские предприниматели Асташевы, потомки героя Бородинского сражения генерал-майора графа П.И. Ивелич, здесь останавливался уроженец Тары, самый богатый человек Сибири XIX в. Я.А. Немчинов и его потомки, сюда вполне мог заезжать к Пятковым певец русской природы М.М. Пришвин, крупнейший западносибирский пароходчик Белевский, купец И.И. Игнатов, основатель единственной на всю Сибирь в конце XIX в. Успенской писчебумажной фабрики и других уникальных производств А.И. Щербаков и другие прославившие Сибирь люди. Здание медицинского училища в Таре не просто архитектурный памятник, это по существу историческое здание, так как с ним связаны имена многих людей, оставивших заметный след в сибирской и российской истории.

Фамилия Нерпиных сохранялась в Таре довольно долго – она встречалась даже в советские времена. В конце XVIII в. цеховой Никита Нерпин занимался изготовлением деревянной мелочной посуды²⁴. Но самыми знаменитыми представителями этой сакральной для предпринимательской истории Тары фамилии были купцы Нерпины. В начале 1790-х гг. были известны Степан и Михаил Яковлевичи Нерпины, сыновья бывшего тарского купца, имевшие торговые и промышленные предприятия в городе и за его пределами. Они были связаны родством с тюменскими купцами Быковыми и Терентьевыми, тарскими Чередовыми, Захаровыми, тобольскими Молоковыми, московскими Крыловыми.

Потомственный тарский купец И.Ф. Нерпин (р. ок. 1757), самый богатый коммерсант и промышленник Тары конца XVIII – начала XIX вв., умер в 1812 – 1813 г. (точную дату смерти по метрическим книгам тарских церквей начала XIX в. установить не удалось, возможно он умер за пределами Тары, но, тем не менее, имелись сведения о том, что купец был похоронен на Тихвинском кладбище вблизи от церкви). И.Ф. Нерпин был, пожалуй, самым авторитетным купцом Тары начала XIX в. Мы не можем согласиться с выводом О.А. Задорожной, что он, не создав отдельного купеческого клана, «был только равным среди равных»²⁵. Будучи активным торговцем, промышленником, общественным деятелем, благотворителем, он много сделал для развития местной эко-

номики и культуры. Он неоднократно избирался городским головой, с его богатством и влиянием считались крупнейшие сибирские купцы, он был акционером Российско-Американской компании. И.Ф. Нерпин активно торговал в Киргизской степи, в Кяхте, городах Западного Китая²⁶.

Приведем только отдельные фрагменты истории восхождения Нерпина к вершинам коммерческой славы. Одним из первых он направил караван, снаряженный товарами на 5 тыс. руб., в города Западного Китая. В 1809 г. он посетил Чугучак и, успешно отторговавшись, вернулся в Бухтарму. Нерпин продавал свои товары от имени Казахского султана, но китайцы принимали их «теми же самыми ценами каковые и на Кяхте существуют»²⁷. Эта коммерческая операция началась с того, что командир войск сибирской инспекции (отдельного Сибирского корпуса) генерал-лейтенант Г.И. Глазенап разрешил купцу Нерпину построить за Бухтармой, около китайских караулов, в поселении Рембаковском товарный склад. Но маньчжурское караульное начальство не пропускало в поселок купцов из Чугучака, хотя и не отказывалось через свое посредство вести торговлю с Нерпиным²⁸. 11 сентября 1809 г. Г.И. Глазенап сообщил в столицу графу Н.П. Румянцеву о том, что, приняв его предложение «с полным удовольствием», И.Ф. Нерпин деятельнейшим образом приступил к испытанию торговли при Бухтарминской таможне с китайцами. Со своим приказчиком он отправил в Бухтарму вместо обещанного товара на 5 тыс. руб. «весьма превосходящее количество товаров». Но из-за весенней распутицы товары запоздали. Китайский офицер, приезжавший осматривать свои кордоны, дал директору таможни Безносикову верное слово пропустить приказчика купца И.Ф. Нерпина со всеми российскими товарами и потому караван беспрепятственно достиг китайской территории. Русских торговцев сопровождали и 25 августа они донесли, что на пути к Чугучаку препятствий не встретилось. По словам Г.И. Глазенапа, И.Ф. Нерпин не только продал товара на 7 тыс. руб., но и «ознакомился со всеми киргизскими солтаанами, старейшинами и почетными киргизцами, обитающими больше около пределов китайских», что было важно для дальнейшего развития южной торговли²⁹. 16 мая 1810 г. Глазенап доносил, что «приказчик... возвратился на наши границы благополучно». Но принят он был в Китае под именем киргизского султана. Нерпин дал знать Глазенапу, что при определенных условиях можно было бы достичь большего успеха. Если бы «капитал состоял у приказчика из товаров до 10000 руб. и если бы не был он принужден изыскивать подарками благодарности киргизских султанов», сопровождавших его

в китайские владения, то «польза должна бы иногда быть весьма значительна»³⁰.

В своем донесении в Петербург он характеризовал Нерпина как «человека совершенно по опытам дознанного полезным отечеству». Намереваясь поощрить купца Нерпина «к окончанию принятого им на себя столь полезного для отечества подвига», пожертвовавши на это еще больших капиталов, Г.И. Глазенап просил «исходатайствовать у Его Императорского Величества ему, Нерпину, чин Коммерции Советника...». «Остаюсь из-за сего уверен, что он, Нерпин, воспользуясь столь значительной для него Императорскою милостию, употребит все силы к выгодам общественным...». Он сообщал, что купец Нерпин, «презирая все барыши, коих у него за расходами при сей первоначальной попытке употребленными, почти нисколько не имеется..., согласился «пожертвовать» капитал в 10 тыс. руб.». Кроме этого генерал давал информацию о том, что Нерпин «содействует военному ведомству, линейным казакам при новом устройении из них двух конноартиллерийских рот. Обмундировал военных всех нижних чинов из своей собственности безденежно...».

Предложение Румянцева представить Нерпина к золотой медали Г.И. Глазенап счел недостаточным, которое «человека имеющего отличные способности ума, совершенно уважаемого своим сословием, и на общую пользу преданного, в полной мере удовлетворить она не может» и поэтому просил власть представить купца к чину коммерции советника. При этом он представил Румянцеву путевую записку Нерпина.

В этой записке тарский купец пытался обосновать выгодность развития торговли с Западным Китаем. За полвека до начала падения кяхтинской торговли он писал о преимуществах торговли в этом направлении: «Чтоб большая часть российского купечества не была подвержена опасностям Байкал моря, и напрасным от дальнего перевоза своих товаров убыткам, но выигрывая здесь расстояние в 1500 верст». В то же время он был убежден, что сибирские купцы в состоянии, освободившись от посредничества киргизских султанов, сопровождавших их («за большую плату!»), добиться самостоятельности в этой торговле.

В 1810 г. Нерпин продал в Западном Китае товаров на 10 тыс. руб. В своих путевых записках он писал, что цинские чиновники хорошо знали, что караваны, производящие торг в Кульдже и Чугучаке, – русские, но они принимали их так, как будто они посланы от имени казахских султанов. Дальше он утверждал, что «есть ли бы российскому купечеству собственным лицом было позволено от Китайского правитель-

ства производить торг в Чугучаке и Кульдже, а не посредством Киргизских султанов, то бы избавились от тех расходов, какие употребляемы бывают султаном». Он считал также, что для расширения русско-китайской торговли в Синьцзяне нужно обезопасить караванный путь через Казахстан и Среднюю Азию, а правительство должно разрешить заграничную торговлю не только купцам 1-й гильдии, но и 2-й гильдии, так как здесь пока отсутствуют крупные предприниматели, какие торгуют на Кяхте. Г.И. Глазенап писал графу Н.П. Румянцеву: «Коммерция по оборотам больших своих здесь капиталов, коих один купец Нерпин в состоянии будет представлять до 100 тыс. руб. и более, со временем достигнет всем краем до желаемого усовершенствования, и тем исполнит полезнейший для государственной промышленности план Вашего Сиятельства»³¹.

За Нерпиным в Западный Китай последовали и другие сибирские купцы. В начале XIX в. начали торговые операции в Западном Китае наиболее крупные сибирские купцы 1-й гильдии – Иван Самсонов, Осип Пиленков, Степан Попов и другие. В 1811 г. стоимость товаров, направленных в этот регион Китая, составила 150 тыс. руб.³² Возрастая год от года, торговля в Кульдже уже начала тревожить кяхтинских купцов, но правительство было «более склонно решить возникший вопрос в пользу Кяхты, поскольку она давала государственной казне огромные доходы»³³.

Период активной предпринимательской деятельности Нерпиных совпал с расцветом местной кожевенной промышленности – примерно со второй половины XVIII в. до конца первой трети XIX в. Обилие сырья, связанное с возможностью создания больших запасов кормов и, соответственно, с наличием большого поголовья крупно-рогатого скота, создавало благоприятные условия для развития этого вида обрабатывающей промышленности. В конце XVIII в. Нерпины вместе с Пятковыми имели самые крупные кожевни в Таре. По производительности они уступали лишь заводам самых крупных кожевников губернии – тюменских купцов Башариных и Прасоловых. Ежегодно Нерпины выделывали 5 – 8 тыс. черных и красных юфтевых кож и большую их часть отправляли к «портам» – усть-каменогорскому, бухтарминскому, кяхтинскому.

В Таре постоянно весновали, переживая распутицу, купеческие обозы. Они обслуживались местным населением, получавшим за счет этого дополнительный доход. Здесь купеческие обозы пополнялись и за счет местных товаров, в том числе приобретаемых для Кяхты. В Кяхте кожи тарского дела использовались для ширки (укупорки) чайных мест

– цибиков. Тара долгое время входила в число сибирских городов – основных поставщиков юфти к китайской границе и потому в самой Таре хорошо знали о существовании Кяхты. Не случайно один из представителей купеческого клана Нерпиных – сын Алексея Степановича и внук Степана Яковлевича Иван Алексеевич Нерпин осел в поселке миллионеров, где «только ленивый не мог разжиться»³⁴. В середине XIX в. торговлю в Кяхте вели тарские купцы Айтыкины, Верещагины, Немчиновы, Нерпины, Филатовы; они стали комиссионерами (посредниками в торговле с китайцами) крупнейших российских чайных фирм. И.А. Нерпин стал известным кяхтинским купцом, возглавившим в 1861 г. первый после миссии графа Н.П. Игнатьева купеческий караван в Китай, а потом руководивший агентурой кяхтинских купцов в Тяньцзыне, Шанхае, Калгане, Ханькоу, Пекине и других китайских городах³⁵. В его предпринимательской карьере были и взлеты, и падения. Одно из таких падений надолго поссорило его с земляком – Тарским 1-й гильдии купцом А.Ф.-Н. Айтыкиным, сыном знаменитого Нияза Айтыкина, открывшего вместе с братом Кармышаком в 1827 – 1828 гг. короткий караванный путь от Омска до Коканда. Сын И.А. Нерпина Алексей активно занимался золотопромышленностью, проживая в Санкт-Петербурге, был акционером и входил в состав правлений крупнейших сибирских компаний.

Но в Таре с купеческой фамилией Нерпиных связаны не только воспоминания об их солидной недвижимости, значительных по сибирским меркам того времени капиталах, о широкой предпринимательской деятельности. Они много сделали для культурного развития родного города. На деньги Нерпиных были выстроены три каменных православных церкви Тары: Богородице-Казанская, Старость-Параскевиевская (Пятницкая) и кладбищенская Тихвинская. В 1801 г. мастером Голубиным в Таре были изготовлены городские часы стоимостью в 250 руб. 210 руб. были взысканы с купцов и других горожан-домовладельцев, а 40 руб. были внесены И.Ф. Нерпиным³⁶. Он же подарил дом под городское училище³⁷. В 1812 г. И.Ф. Нерпин должен был получить медаль за самый крупный в Сибири благотворителей вклад на войну с Наполеоном – 5 тыс. руб. Но в 1913 г. от его наследников потребовали вернуть медаль за неуплату пошлинных денег. Следовательно, как мы предполагаем, И.Ф. Нерпина в это время уже не было в живых.

По данным городских обывательских книг, вместе с ним в доме на Никольской проживала его мать Мария Матвеевна и младшая сестра Фёкла. После смерти Ивана Федоровича дом на Никольской оставался в собственности его жены Ксении Федоровны, дочери сначала тар-

ского, а потом тюменского купца Федора Быкова. Пока не выявлено как долго оставались в Таре наследники И.Ф. Нерпина: умерли здесь, переехали в другой город, а может, оставили Сибирь. Некоторые предположения можно строить на основе данных о том, что единственная дочь купца, Татьяна, вышла замуж за графа Петра Ивановича Ивелич, служившего в Ширванском полку. По данным 9-ой ревизии, после смерти генерал-майорши графини Т.И. Ивелич наследникам, ее детям, – сыну, графу Николаю Петровичу Ивелич, и дочерям Александре Петровне Упатовой, Надежде Петровне Желтухиной и Елизавете Петровне Коконцевой достались дворовые люди...³⁸. Сражавшийся на Бородинском поле их отец, генерал-майор П.И. Ивелич, скончался намного раньше, вероятно, от полученных ранений. Но известно, что он вместе с супругой приложил значительные усилия к окончанию строительства одной из трех построенных на средства И.Ф. Нерпина тарских церквей – Пятницкой. Колокола Богородице – Казанской церкви были на нерпинские деньги вызолочены церковным старостой С. Можантиновым, что было редкостью для России и привлекало в Тару любопытных.

Потомков Нерпиных разбросало по всей России. Потомственный почетный гражданин Иван Алексеевич Нерпин умер 6 апреля 1875 г. в возрасте 63 лет от водянки и 8 апреля был похоронен на Успенском кладбище г. Троицкосавска (Кяхта являлась торговой слободой этого города)³⁹. Его жена Мария Захаровна Нерпина умерла 12 мая 1899 г. на 72 году жизни и была захоронена на Казанском кладбище под Петербургом (Царское село). Рядом находится могила Степана Алексеевича Нерпина, торговавшего в Томске, а позже перебравшегося в Европу. Он был младшим братом Ивана Алексеевича, родился в Таре в 1817 г., а умер 7 октября 1894 г. в Царском селе⁴⁰.

О Нерпиных в Таре до 1910 г. напоминала ул. Нерпинская. В 1910 г. она была переименована в ул. Немчиновскую, а в советское время носила имя К. Либкнехта. В 1994 г. в период празднования 400-летия Тары улице было возвращено первоначальное название.

Необходимо сказать о том, что, располагая в бывшем нерпинском доме на ул. Никольской (Советской) медицинские учреждения, Тара сохраняла и продолжает сохранять традицию, заложенную последующими владельцами этого дома – Пятковыми. До 1930 г. в этом здании находилась больница, потом здесь размещалась поликлиника, а в 1981 г. здание было передано медицинскому училищу.

С домом и другими усадебными постройками связана такая история. Судьба распорядилась так, что в Тару, на родину отца, за мужем, выходцем из старинного купеческого рода Михаилом Федоровичем

Пятковым, приехала одна из 10 дочерей кяхтинского миллионера Я.А. Немчинова Елизавета. Полагали, что дом этот был приобретен Немчиновым для семьи своей дочери. Так или иначе, но после смерти в 1900 г. в Москве М.Ф. Пяткова Елизавета Яковлевна, выдавшая дочерей Татьяну и Александру замуж, в Таре почти не появлялась. Наследство, около полумиллиона, доставшееся ей после смерти Я.А. Немчинова (последовавшей в ночь на 6 февраля 1894 г.), и доля от 650-ти тысячных капиталов мужа, позволяли ей существовать безбедно⁴¹. К тому же, старшая дочь, Татьяна Михайловна, вышла замуж за состоятельного сибирского предпринимателя Григория Григорьевича Игнатова, племянника знаменитого тюменского пароходчика и промышленника Ивана Ивановича Игнатова и двоюродного брата писателя Михаила Пришвина (другого племянника Игнатова, только по сестре Марии). Г.Г. Игнатов был директором правления знаменитого Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли и курировал работу Жабьинского механического завода, строившего пароходные корпуса и необходимую для них оснастку. Деловые контакты Г.Г. Игнатова распространялись до Санкт-Петербурга, поэтому из Тюмени они переехали в Москву, где нам в 2000 г. удалось найти потомков Пятковых, старшая часть которых, увы, уже была на Новодевичьем кладбище. Здесь главную роль сыграла установившаяся связь с москвичами, потомками Чернышевых⁴². Младшая дочь Пятковых, Александра, как мы предполагаем, вышла замуж за создателя первого в Сибири плугостроительного завода (современный агрегатный завод им. Куйбышева в Омске) Сирена Христиановича Рандрупа, и в последующем, как считают наследники Пятковых, оказалась в Англии. Но для окончательного вывода нужны документальные подтверждения, требующие кропотливой работы с фондами ГАОО. Нам же удалось только отработать фонды, касающиеся истории агрегатного завода и развития маслоделия (так как С.Х. Рандруп активно занимался закупками масла и продажей оборудования для маслодельных заводов), в которых, к сожалению, не отложилось сведений по вопросам быта и семейной жизни омского предпринимателя. У потомков Пятковых-Игнатовых-Есиповых сохранились почтовые карточки, направляемые в адрес Пятковых и Рандруп в дом на Никольской улице Тары.

В 1913 г. Е.Я. Пяткова с согласия дочерей подарила Таре дом со всеми усадьбами постройками под городскую больницу. Жертвуя дом, они выдвинули одно неперемное условие – «чтобы город ни в коем случае не устраивал ни в доме с постройками, ни на всем пространстве владения никаких других предприятий и учреждений». Они требова-

ли разместить здесь больницу и связанные с ней учреждения: аптеку, амбулаторию, родильный покой, квартиры для медицинского персонала. Городская дума с благодарностью приняла дар и решила разместить в доме и в зале заседаний городской думы портреты Е.Я. Пятковой⁴³.

Решение Е.Я. Пятковой и ее дочерей, думается, следует признать не случайным. С одной стороны, это решение находится в русле семейных традиций Немчиновых – родители Е.Я. Пятковой были крупными благотворителями. С другой стороны, как мы убедились, Пятковы не испытывали серьезных материальных затруднений, по меркам богатых своего времени они имели практически все. Но жесткое требование жертвователей размещать в доме только лечебные учреждения можно объяснить, анализируя следующие факты. Елизавета Яковлевна и ее дочери хорошо знали местные условия, как и то, что на весь огромный Тарский уезд имелось в начале XX в. 2–3 врача с соответствующим образованием. Два года назад удалось установить контакт с внучкой Вениамина Ефимовича Клячкина, работавшего врачом в Таре в 1896 – 1907 гг. и, как мы предполагаем, жившего в доме при городской больнице и хорошо знавшего Пятковых, Щербаковых и других столпов Тары коща XIX в. Впоследствии он работал в медицинских учебных заведениях Омска, в том числе в медицинском институте, был председателем городской санитарной комиссии, написал учебник латинского языка, по которому учились все будущие медики страны в довоенное время. Он был продолжателем медицинской династии и, что интересно, его потомки оказались также верны медицинской профессии. Их данные и содержание архивных документов показывают, что от болезней не были застрахованы даже состоятельные тарчане. Они, как и местная беднота, умирали в раннем возрасте. Страшной была детская смертность. К такому положению относились спокойно – «Бог дал – Бог взял». 23 июля 1840 г. в Таре умер Александр, первенец Александры Григорьевны и Якова Андреевича Немчиновых. В роду Пятковых практически не было долгожителей. Отец братьев Михаила и Андрея (курировавших в конце XIX в. всю торговлю Тарского уезда) Федор Иванович Пятков умер в 1849 г. в 59 лет. Столько же прожил его сын Михаил Федорович. Он умер в Москве летом 1900 г. Его сестра, Наталья Михайловна (бывшая за мужем за тарским купцом и потомственным почетным гражданином И.Е. Щербаковым), умерла в 1891 г. так же в возрасте 59 лет от болезни печени. Еще раньше, так же в 1891 г., в 47 лет, ушел из жизни Андрей Федорович Пятков, оставивший вдовой племянницу Я.А. Немчинова Апфису (в девичестве Серебренникову,

дочь Тарского купца В.И. Серебрянникова и младшей сестры Немчинова Прасковьи Андреевны). Сам Я.А. Немчинов был парализован, умер в Кяхте зимой 1894 г. на 82 году жизни. Страдая тяжелой формой радикулита, а потом, будучи парализованным, он долгое время пытался избавиться от недуга, выписывая медицинских светил из столицы. Врач Поротов из Иркутска сделал на этом целое состояние. Немчинова катали на инвалидной колясочке и вместе с ней помещали в повозку, когда необходимо было куда-то выехать из дома. От туберкулеза умер выехавший вместе с семьей из Иркутска в Крым на лечение единственный сын сестры Е.Я. Пятковой Екатерины Яковлевны Котельниковой Семен. Он был похоронен в 19-летнем возрасте в Крестовоздвиженском монастыре в Полтаве. Сложные перипетии семейных отношений привели к тому, что старшая дочь Пятковых, Татьяна, имея трех сыночек, в Москве сбежала к красавцу профессору медицины К.Д. Есипову и работала его помощницей в грязелечебнице в крымских Саках. Их дочь, Ирина Константиновна Есипова, стала впоследствии профессором медицины, основателем патологоанатомических лабораторий в Новосибирске, Крыму и в университете Дружбы Народов, а ее учениками стали около 30 докторов и свыше 70 кандидатов наук. Сама Елизавета Яковлевна отличалась крепким по-сибирски здоровьем. В годы Великой Отечественной войны она с семьей старшей дочери, внуками, ставшими к тому времени врачами, выехала из Москвы на Урал. Там, в поселке Кисегач под Чебаркулем она осенью купалась в озере. Умерла там же в возрасте за 90 лет. Внучка Т.М. Пятковой и правнучка Е.Я. Пятковой Т.И. Есипова (которая жила с ней вместе в госпитале и была свидетельницей ее смерти) после окончания филфака МГУ стала редактором издательства «Медицина».

Таким образом, у нас достаточно оснований полагать, что решение Е.Я. Пятковой и ее дочерей о передаче бывшего дома Нерпиных, последними владельцами которого они были, под медицинские учреждения г. Тары, было глубоко продуманным. Постановлением Омского облисполкома № 176-II от 19.12.1994 г. дом Пятковой (ул. Советская, 21) был признан памятником областного значения.

Но в Таре есть еще один дом Нерпиных, почти полтора столетия именуемый «Немчиновским». Он расположен на бывшей ул. Мостовой (Нерпинской, с 1910 г. – Немчиновской, потом – К. Либкнехта, с 1994 г. – вновь Нерпинской). В конце этой улицы, у самого Иртыша до 1930-х гг. располагался кожевенный хутор, вмещавший в себя почти все частные кожевенные заводы Тары. Здесь, в нижней части города в квартале от трехэтажного каменного особняка Нерпины выстроили

Богородице-Казанскую приходскую церковь. В 1910 г. городская дума приняла решение о переименовании улицы Нерпинской в ул. Немчиновскую и ввела нумерацию домов на городских улицах и в переулках. Решение о переименовании было принято без особых прений и возражений. Оно связывалось с заслугами семьи Немчиновых перед родным городом. На ул. Нерпинской располагались главные объекты их благотворительности в пользу Тары: городской общественный банк, сиропитательное заведение, приют для бедных, Казанская церковь, бывшая самостоятельность которой была восстановлена Я.А. Немчиновым. В общей совокупности Немчиновы вложили в развитие Тары имуществом и капиталом 203748 руб. 40 коп.⁴⁴

Да, самый богатый человек Сибири XIX в., кяхтинский часторговец и крупнейший российский золотопромышленник уроженец г. Тары Я.А. Немчинов устроил в начале 1870-х гг. в бывшем нерпинском особняке городской общественный банк и сиропитательное заведение. Но Немчинов этот дом не строил и не мог строить, так как появился он в Таре благодаря стараниям все тех же купцов Нерпиных. Мои коллеги, рассматривая зимой 1995 г. в одной из новосибирских гостиниц только что появившуюся «Тарскую мозаику», обратили внимания на некоторые несоответствия в текстах под фотографиями. А.Р. Ивонин (сейчас д.и.н. и зав. кафедрой Алтайского института культуры) уверенно заявил: «Нет, это дом не Немчиновский, это дом Нерпинский», и, видимо, желая подчеркнуть весомость своих профессиональных познаний в этой области, сказал: «Заметь: а я ведь в вашей Таре никогда не был...». Уровень знания и аналитические способности таких историков, как А.Р. Ивонин, дают веские основания для того, чтобы относиться к ним с большим уважением, и, тем не менее, четко установить последовательность смены владельцев пока не удалось. Мы можем сегодня на этот счет строить лишь отдельные предположения.

Дом Нерпиных, построенный на болотистом месте в нижней части города в районе Бухарской слободы, перешел, вероятно, после отъезда семейства Ивелич из Тары, к томскому золотопромышленнику дворянину Ивану Дмитриевичу Астапьеву (1797 – 1869), который либо сам передал его городскому обществу, либо это сделали его наследники. Перешедший в казну дом стал уже разрушаться, когда в один из приездов в родной город Яков Андреевич Немчинов (1813 – 1894) решил купить его у казны и приспособить под сиропитательное заведение. Он приобрел этот дом за 5 тыс. руб., а затем на выделенные им же 10 тыс. руб. его старший брат Н.А. Немчинов, зять В.И. Серебрянников и братья Пятковы произвели капитальный ремонт⁴⁵. Так в Таре

появился городской общественный банк и разместившееся в этом же трехэтажном особняке сиропитательное заведение с ремесленными классами. Постановлением Омского облисполкома № 20 от 22. 01. 91 г. дом купца Немчинова (ул. Нерпинская, 48) был признан памятником истории и архитектуры областного значения. Позже на средства супруги Я.А. Немчинова Александры Григорьевны был открыт приют для бедных, расположившийся по соседству на Нерпинской улице, только напротив сиропитательного заведения.

Постепенно рассеивая бытовавшие долгое время легенды о домах купцов Нерпиных, пытаясь реконструировать события 100 и 200-летней давности, мы видим одну из основных трудностей в решении этой задачи – документы «купеческой» истории не отложились компактно ни в одном архиве, они разбросаны по разным архивам, и сегодня историкам, при ограниченных возможностях для кропотливой работы с подлинниками, требуется соединять усилия, кооперироваться в решении наиболее сложных исследовательских задач, в том числе задач, требующих выявления, уточнения исторических фактов.

4. ПЕРВАЯ В СИБИРИ ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА

Мало кому известно, что расположенная на правом от Тары берега Иртыша д. Нерпинка во второй половине XVIII в. не была Нерпикой, а была заимкой тарского купца Медовщикова. В середине века, когда только начиналось формирование купеческого сословия в Сибири, Василий Дементьевич Медовщиков попытался осуществить проект по созданию уникального для края производства, но этот эксперимент так и остался в истории незамеченным.

В первой половине XVIII в. Сибирь не имела предприятий по производству головных уборов. Вологодские и ярославские купцы ввозили сюда в основном поярковые и полуяроквые низкосортные шляпы, общий ввоз которых не превышал 1200 – 1300 изделий в год. Пользующиеся высоким спросом, отделанные мерлушкой суконные шапки расходились по 8 коп. штука, а ярославские шляпы низшего сорта стоили в это время в Тюмени 15–20 коп. Тарские купцы приобретали на Ирбитской ярмарке шляпы из грубой коровьей шерсти и обменивали их потом у Ямыш-озера на «эркецкие» товары: хамы, зендени, чалда-ры, выбойки и меха⁴⁶. Для войск, размещенных в сибирских городах, головные уборы ввозились из России казной. Но в конце 30-х годов XVIII в. к обеспечению воинских команд и казаков предметами одежды стали привлекать и местное купечество.

В 1740-е гг. заметно увеличился спрос на шляпы и, естественно, стали подниматься цены: если шляпа из шерсти крупного рогатого скота стоила 8 – 10 коп., то в 40-е гг. в сибирских городах ее продавали по 15 – 16 коп. и более высокой цене⁴⁷. Большинство сибиряков, пытающихся хоть как-то вписаться в лихие повороты рыночной круговерти, уже в состоянии сделать из вышесказанного правильные выводы. Скажем, ответить на вопрос о том, как должны были повести себя в сложившейся ситуации сибирские предприниматели. Растущий спрос на шляпы не мог не привлечь их внимания.

Но вот что интересно. Тара никогда не была первым промышленным городом Тобольской губернии. Она всегда была и остается малым сибирским городом. Более того, до активного вмешательства человека в естественное развитие природы здесь достаточно благоприятными были условия для разведения крупнорогатого скота, так как естественные разливы рек создавали прекрасные пастбища и сенокосные угодья. Именно это позволило в дальнейшем развивать связанные с использованием животного сырья отрасли обрабатывающей промышленности. Большинство сибирских предприятий располагались не в городах, а в пригородах, вблизи городов и даже в сельской местности – ближе к источникам сырья. Но по-настоящему промышленным городом Тара так и не стала. Однако первым производителем не домашних, а фабричных головных уборов в Западной Сибири стал все-таки тарский купец Василий Медовщиков.

Известны ли какие-либо подробности о деятельности купца Медовщикова? Совсем немногие. В 1753 г. Василий Дементьевич Медовщиков исходатайствовал привилегию на открытие собственной шляпной «фабрики». Известному сибиреведу Дмитрию Игнатьевичу Копылову удалось найти в фондах Российского архива древних актов документы, подтверждающие выводы о первенстве в этом деле тарского купца⁴⁸. Василию Медовщикову было позволено купить до 50 душ крепостных крестьян с землей. Дело было за сто лет до отмены крепостного права, когда одним из главных препятствий в развитии купеческих предприятий было отсутствие наемной рабочей силы, и многое определялось льготами, дарованными отдельным предпринимателям коронной властью. Дом мануфактуриста освобождался от постоя, а само промышленное заведение – от уплаты пошлин с продажи готовой продукции. Два года понадобилось купцу для того, чтобы выполнить весь комплекс подготовительных работ, и в 1755 г. «фабрика» дала первую продукцию. Эта продукция, поярковые и простые шерстяные шляпы, шли как на вольную продажу, так и для поставок в казну. В 1759 г.